

Мотив кавказского разбойника Мулла-Нура в творчестве В.И. Даля и А.А. Бестужева-Марлинского

И.Л. Багратион-Мухранели

доцент кафедры лингводидактики и межкультурных коммуникаций Московского городского психолого-педагогического университета, mybagheera@mail.ru

В статье на примере одного образа рассматривается динамика стилевых исканий русской прозы середины тридцатых-сороковых годов, переход от романтизма к физиологическому очерку. Изображая одного и того же реально существующего персонажа, благородного разбойника, Даль и Бестужев-Марлинский используют различные подходы. Даль лаконичен, этнографически точен, не стремится вызвать восхищение читателя. Бестужев украшает персонажа, усложняя его психологию, изображая глубокий внутренний мир, не присущий кавказскому кочагу.

Ключевые слова: мотив, романтизм, физиологический очерк-биография, Кавказ, благородный разбойник.

Для цитаты:

Багратион-Мухранели И.Л. Мотив кавказского разбойника Мулла-Нура в творчестве В.И. Даля и А.А. Бестужева-Марлинского [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. №4. URL: <http://psyedu.ru/journal/2013/4/Nurmuhhmetov.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

Bagration-Mukhranely I.L. The motif of the Caucasian robber Mulla-Nur in the V.I. Dahl's and A.A. Bestuzhev-Marlinsky's works Jelektronnyj resurs «Psihologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru», E-journal «Psychological Science and Education psyedu.ru», 2013. no. 4. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2013/4/Nurmuhhmetov.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Тема Кавказа к 40-м годам XIX века перестала быть новинкой в русской литературе, стала осваиваться литературой массовой, литературой для народа. Этнографические очерки В.И. Даля, и в том числе «Рассказ лезгинца Асана о похождениях своих», опубликованный в 1848 году в «Современнике», стоят на границе между ними. С одной стороны — привычные для читателя мотивы «воинственного разбоя», плена, любви «девы гор» к герою, благородному мстителю, защитнику бедняков, кочующие из одного произведения в другое. С другой — точность и простота изложения в описании экзотического быта представителей разных этносов, отсутствие романтических преувеличений, интерес к описанию среды, характерный для очерка-биографии натуральной школы. Опыт хивинского похода дал возможность В.И. Далю прикоснуться к документальным рассказам разных персонажей: пленника Федора Федоровича Грушина, невольника Андрея Никитина, вышедшего из плена астраханского мещанина Тихона Ивановича Рязанова, Якова Зиновьева, портупей-поручика Медянина. Жанр очерка, сочетающего свидетельство главного героя и авторскую позицию, документальное и художественное, был не нов для сказочника Казака Луганского.

«Рассказ лезгинца Асана о похождениях своих» строится как прямая речь главного героя, его собеседник не представляет интереса для читателя и автора. В.И. Даль представляет биографию героя, благородного разбойника, но не столько делает акцент на авантюристности поступков, сколько вводит читателя в обстоятельства сложных межэтнических отношений, существующих на Кавказе, с которыми Асану пришлось столкнуться с первых лет жизни. Подобное соотношение изображения характера и среды свойственно физиологическому очерку этого времени.

Рассказ о различных мирах, таящихся в обыденной жизни и существующих одновременно, характерен для различных авторов. Например, молодой А.Н. Островский в «Записках замоскворецкого жителя» писал: «Милостивые государи и государыни, спешу поделиться с Вами открытием. 1847 года апреля 1-го дня я открыл новую страну, никому до сего времени в подробности не известную» [5, с.105].

«Рассказ лезгинца Асана» Даля отражает две тенденции русской литературы. С одной стороны, это складывающийся из серии эпизодов очерк-биография, с другой — проза, завершающая традиции романтической повести с ее исключительным героем, носителем знаковой нестандартной биографии, которые так любил описывать А.А. Бестужев-Марлинский.

Даль наделяет своего героя редкой профессией и показывает, что разбойником Асан становится невольно, не в силу избранничества или каких-то исключительных личных качеств, а в силу обстоятельств, непосильной нужды и необходимости кормить близких. Энергичный и находчивый, герой проявляет большую изобретательность. В частности, чтобы придать себе весу и избежать опасности, он упоминает известного на Кавказе разбойника Мулла-Нура, называя себя его товарищем. Он показан эпизодически, глазами главного героя. «Рассказ» имеет подзаголовок: «Писано со слов рассказчика». Этим определяется лаконичность изображения.

После ряда дерзких ограблений Асан решает использовать имя Мулла-Нура для устрашения окружающих, выдавая себя за приспешника знаменитого абрека. Затем герой встречается с легендарной личностью и, оказавшись в ситуации опасности, сражается вместе с ним с врагами. Для героя Мулла-Нур — некий идеал разбойника. Он грабит богатых, раздает награбленное бедным в соответствии с кодексом чести «благородного разбойника». Асан также, вступив на путь грабежа в силу обстоятельств — необходимости кормить младших братьев и сестру в период голода, строго следит за тем, чтобы награбленное доставалось бедным, нищим, голодающим и т. д. Изображению ловкости, личной храбрости, находчивости и стойкости Асана посвящен «Рассказ...» В.И. Даля.

Строгость и этнографическая точность отличают манеру письма этого произведения. Даль лишь пунктирно намечает распространенные мотивы кавказской темы, хорошо известные читателям: мотивы плена, любви к сочувствующей герою девушке Гюзель и т. д. Больше внимания автор уделяет тому, из чего может вспыхнуть кровная месть, как она может быть прекращена, что представляет из себя тот мир, «где рыскает в горах воинственный разбой» (Пушкин). И Асан, и Мулла-Нур — органическая часть этого мира. Оба они живут по заветам предков, выделяясь лишь личной силой, дерзостью и удачливостью.

Если у Бестужева-Марлинского Мулла-Нур живет в окружении романтического пейзажа, фольклорной истории, то герой В.И. Даля существует в ином контексте. «Петербургский дворник», «Денщик», «Чухонцы в Петербурге», короче — «Небывалое в былом и бывалом».

Теоретик романтического натурализма Жюль Жанен писал, что для писателя задача описать шестиэтажный парижский дом не менее почетна, чем рассказать о египетских пирамидах.

«Существует нечто более занимательное, чем египетские пирамиды, Кремль или ледники Швеции, чем все диковинки, которые стремятся посмотреть с такими затратами и мучениями: это громадный парижский дом в многолюдном квартале, заселенный от фундамента до крыши. Во втором этаже — чрезмерная роскошь, под самой крышей — чрезмерная бедность, в середине — изобретательная деятельность. Шарлатаны, законники, финансисты; Фрине на соломе и Фрине на перине, и на каждом шагу — новые декорации. На первом этаже — торговая вывеска, которая раскачивается по воле ветра; на антресолях — приказчики, касса, звон золота и бесконечные цифры; дальше — контора нотариуса,

спешащая толпа и накопившиеся дела — женитьбы или завещания; дальше — человек, единственное счастье которого — делать визиты и принимать визитеров, внушительные лакеи и маленькие собачонки; выше ютятся семьи, обстановка меняется, уединенный труд обитает здесь; это последняя степень среднего достатка, крайняя ступенька, за которой больше нет благоденствия, ограниченной и деятельной буржуазии; работающая женщина, плачущий ребенок, щебечущая канарейка. Еще выше — немые двери, маленькие и узкие спальни, безмолвный счет, приколотый к дверям, бесполезный лакей в передней, который дрожит от холода, словно в день немилости, и не дожидается никого, чтобы возвестить о его приходе; выше, наконец, — ремесленник под самой крышей, ремесленник, который гремит железом, который сочиняет мемуары и поэмы; гризетка, в романтических мечтах возводящая свой испанский замок напротив окна в тени настурций, или, может быть, чего-нибудь повыше, ложе из соломы, рыдания, венецианские свинцовые камеры летом, ледяной холод зимой, всю жизнь страдания. И там — ни отблеска свечи из нижних этажей, ни аромата из кухни, ни отзвука песен, ни оживления во дворе — лишь зрелище чердаков, выступающих наружу. Сено, торчащее из окошек и наполняющее лестницы сельским запахом, решительно водворилось здесь в оскорбительном изобилии, что дает понять, какая дистанция отделяет несчастного человека от красивой лошади» (франц.) [2, с.79].

Противопоставляя экзотику обычной жизни, Жанен фактически рисовал проблематику и темы будущей литературы. «Физиология» Петербурга, которая появилась как отклик на «физиологию» парижского дома, подразумевала иную стилистику, отсутствие романтической избыточности, сдержанность и правду. «Рассказ лезгинца Асана» написан именно в такой манере.

Серия сборников физиологических очерков, которые с 1841 года выпускал А.П. Башуцкий, называлась «Наши, списанные с природы русскими». Именно для этого издания М.Ю. Лермонтов написал очерк «Кавказец», отличающийся скупостью деталей, описанием среды, иронией.

В.И. Даль, проведя потенциально романтического героя через ряд приключений, переводит его в новый регистр — маленького человека.

Показав Асана несущим солдатскую службу, автор рисует новый поворот судьбы героя. После того, как его не берут в гвардию, Асан бежит из плена воинской неволи. Автор сообщает, что солдат строят и майор «проходя по фронту, <...> выдвинул меня вперед, но батальонный командир сказал ему что-то по-французски, и тот осадил меня опять назад, в строй. Со мной стоял один разжалованный в солдаты; он перевел мне после слова нашего майора, что-де “этот сдан в солдаты с Кавказа, из горцев за большие преступления и без выслуги”. Услышав это, я вдался в такую тоску, что у меня отпала охота к службе и ко всему на свете. Я положил бежать» [2, с. 197].

Скитания Асана в Финляндии и Петербурге описаны особенно интересно. Даль не придерживается каких-либо предвзятых представлений о горской солидарности, помощи земляков и т. д. Современная история диктует поведение героев, и кодекс горской чести отступает перед законами империи: земляки, расчувствовавшись, слушают лезгинскую песню в исполнении Асана в Петербурге, тем не менее выдают его – беглого солдата – властям. Оказавшись в тюрьме с истинно верующим русским мужиком, герой начинает учиться грамоте, а затем знакомится с основами христианства. Даль сообщает об этом очень кратко, но убедительно. «Тут родилась у меня первая мысль о том, чтобы креститься... нищенство и вечная резня в горах наших мне теперь были противны; я стал понимать, что человек не должен жить, как живет зверь <...> злоба мести во мне угасала» [2, с. 202].

Последние строки «Рассказа лезгинца Асана», скорее, напоминают стиль записок прозы XVIII века и массовой литературы середины XIX-го, с их тяготением к ясности фабулы, отсутствию психологизма и торжеству справедливости. В.И. Даль завершает рассказ, развивавшийся естественно и плавно, несколько заданно. Герой рассказывает, что,

перейдя в христианство, «я принялся за службу, чтобы служить так, как велют Бог и государь; а не послужив и двух лет, я был переведен в гвардию. Молю Бога за царя и моих благодетелей» [2, с. 206]. Этот несколько литературный финал никак не подготовлен описанием внутреннего мира героя и воспринимается как авторское вмешательство.

Принципы изображения кавказских разбойников А.А. Бестужевым-Марлинским существенно отличаются от манеры письма Даля. Романтическая избыточность его стиля строится на преувеличениях, сочетаниях чувствительного и ужасного, восходящих к сентиментализму. В отношении же Мулла-Нура Бестужев развивает идеальное представление о герое.

А.А. Бестужев-Марлинский посвящает Мулла-Нуру свой последний роман и идет по пути психологического усложнения. Произведение строится на двух параллельных сюжетных линиях, связанных с двумя различными героями. Мулла-Нур предстает перед молодым Искандер-беком личностью сложной и раздвоенной. Искандер-бек восхищается вольной и отважной жизнью разбойника. Однако автор предостерегает молодого человека от восхищения «грозой Дагестана», передает неоднозначность этой жизни: «Но грустно качал головою Мулла-Нур, слушая неопытного юношу. <...> У всякого есть своя звезда, – возразил он, – не завидуй мне, не ходи по моему следу; опасно жить с людьми, но и без них скучно. <...> Было время, я ненавидел людей; было время, я презирал их; теперь устала душа от того и другого. На один год станет забавы для гордого внушать своим именем страх и недоверчивость <...> Потом наступает злая охота унижать людей <...> топча под ноги все, чем дорожат они более души... Жалкая потеха! Она забавляет на миг, а дает желчи на месяц, потому что? как ни дурен человек, а все-таки он брат нам» [1, с. 240].

В.И. Даль не касается этой стороны жизни знаменитого разбойника. Перед ним не стоял, в отличие от Бестужева-Марлинского вопрос о гибельности бунта героя-индивидуалиста, который мучил Бестужева. Не случайно в повести «Мулла-Нур» сюжет развивается параллельно, автор описывает двух героев. Один – Искандер-бек – чистый юноша, исполняющий наказ жителей Дербента, совершающий подвиг ради своих соплеменников. Другой – Мулла-Нур, помогающий устроить счастью Искандер-бека с Кикчене, наказывающий корыстного судью и восстанавливающий человеческую и социальную справедливость, обуреваем сомнениями и разочарованием в своем образе жизни и своей разбойничьих подвигах. Все это являлось авторским вымыслом, к реальному дагестанскому кочагу имеющим малое отношение. Естественно, что всего этого нет в «Рассказе лезгинца Асана» В.И. Даля. Ф.З. Канунова, сравнивая эти два образа в творчестве В.И. Даля и А.А. Бестужева-Марлинского, приходит к следующим выводам: «Стремление к строгой объективности, полное отсутствие романтико-идеализирующего начала резко отличает Даля-повествователя, Даля-этнографа от Бестужева, у которого “реальное” дается в самой неразрывной связи с “идеальным” и чаще во имя последнего. Естественно, что Даль, точно следуя за фактами, не увидел противоречивого внутреннего мира Муллы-Нура, не оценил его сложной философии и драматизма его положения. Все эти черты характеризуют уже не знаменитого дагестанского кочага, а романтического героя Бестужева, образ которого заключает в себе значительный для писателя 1830-х гг. нравственно-философский смысл» [6, с. 609].

Точность и документальность изображаемых В.И. Далем событий подтверждается мемуарной литературой.

В.И. Даль дважды переиздавал это произведение. В 1865 году повесть получила новое название «Лезгинец Ассан. Написано под его диктовку В.И. Далем». Сама перемена заглавия говорит о тенденции к документальности и безыскусности, характерных для творчества писателя-ученого в это время.

Литература

1. *Бестужев-Марлинский А.А.* Мулла-Нур // А.А. Бестужев-Марлинский. Кавказские повести. СПб: Наука, 1995. С. 185-288.

2. *Виноградов В.В.* Романтический натурализм. Жюль Жанен и Гоголь // Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. 1976. <http://feb-web.ru/feb/gogol/critics/v76/V762482-.htm> (Дата обращения: 20.11.2013).

3. *Даль В.И.* Рассказ лезгинца Асана о похождениях своих // Даль В.И. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 2. СПб; М.: тип. Вольфа, 1897-98. С. 454.

4. Лезгинец Ассан. Написано под его диктовку В.И. Далем. СПб: Военная типография, 1865. С.176.

5. *Лотман Л.И.* «Записки замоскворецкого жителя» Островского. (История и эволюция замысла)// Труды отдела новой русской литературы. Институт литературы АН СССР (Пушкинский Дом). М.-Л.: изд. АН СССР, 1948. С. 69-143.

6. *Канунова Ф.З.* А.А. Бестужев-Марлинский и его «Кавказские повести»// А.А. Бестужев-Марлинский. Кавказские повести. СПб: Наука, 1955. С. 549-618.

The motif of the Caucasian robber Mulla-Nur in the V.I. Dahl's and Bestuzhev-Marlinsky's works

I.L. Bagration-Mukhranely

Ph.D associate professor of the Linguodidactics and Cross-cultural Department of the Faculty of Foreign Languages Moscow State University of Psychology and Education mybagheera@mail.ru

This I.L. Bagration-Mukhraneli's article deals with «The motif of the Caucasian robber Mulla-Nur in V.I. Dahl's and Bestuzhev-Marlinsky's works». On the example of one literary Hero - image of noble robber the author analysis dynamic changes in the Russian prose of the Romantic period to physiological essay of the mid of the 30s - 40s of the XIX century. Portraying the same real-life character, Dahl and Bestuzhev-Marlinsky use different descriptive approach. Dahl made the most of short-spoken laconic ethnographical description without any admiration. Bestuzhev embellished the Hero with psychotechnical details scarcely characterising the Caucasian robber-kohag.

Key words: motif, Caucasus, Romanticism, physiological essay-biography, noble robber.

References

1. *Bestuzhev-Marlinsky A.A. Mulla-Nur [Mulla-Nur] //A.A. Bestuzhev-Marlinsky. Kavkazskye povesty [Caucasian stories]. St-Petersburg: Nauka, 1995. P. 185-288.*
2. *Vinogradov V.V. Romantichesky naturalizm. Jiul Janen i Gogol [Romantic naturalism. Jules Zhanen and Gogol] // Vinogradov V.V. Poetika russkoj literatury [Poetics of the Russian literature]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/gogol/critics/v76/V762482-.htm>. (Accessed: 08.08.13).*
3. *Dal' V.I. Rasskaz lezgintza Assana o pohojdeniax svoix .[The lezginian Assan's stories about his adventures] // Dal' V.I. Polnoe sobranie sochinenij v 10 t. [Complete works in 10 v.] T. 2. St-Petersburg, Moscow: Tip. Volfa, 1897-98. P. 454.*
4. *Lezginetz Assan. Napisano pod ego diktovku V.I. Dalem [It is written under its dictation V.I. Dalem]. St-Petersburg: Voennaia tipografia, 1865. P. 176.*
5. *Lotman L.I. "Zapiski zamoskvoretzkogo jitelya" Ostrovskogo. (Istoria I evoliutzia zamisla) ["Notes of the zamoskvoretsky inhabitant" Ostrovsky. (History and plan evolution)] // [Works of department of new Russian literature. Institute of literature of Academy of Sciences of the USSR (the Pushkin House)]. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1948. P. 69-143.*